

ИНВАЛИД И СТАКАНЫЧ

Беженцы — боль, беда, забота и... обуза России? Смирнов В.

12

Для начала — несколько впечатляющих историй. Их участников не называю, ибо не хотят обездоленные люди, чтобы вся страна знала их имена.

...У инвалида Отечественной войны С. в дни разгрома Грозного все движимое и недвижимое имущество пошло прахом. На склоне лет он остался гол как сокол. Считая виновниками несчастья исключительно правительство России, старый солдат пожаловался в Конституционный суд. Дальше челобитная пошла в федеральное правительство для принятия мер, а уж оттуда, как водится, — в Грозный. Дабы там, «на месте преступления», выплатили безвинно пострадавшему компенсацию. Ну, а поскольку в Грозном на это благое дело не нашлось и рубля (хотя Москва перегоняла туда триллионы), то бумагу «отфутболили» на Ставрополье, где в санатории «Бештау» на правах вынужденного переселенца и нищенствует теперь ветеран. Увы, так он нищим, скорее всего, и останется, ибо миграционная служба Ставропольского края в смысле финансов сама сидит на бобах.

...Жительница Грозного Ф. в январе 1995-го едва успела выскочить из подвала горящего дома, от которого вскоре остался один фундамент. После долгих мытарств прибилась к дальним родственникам в одном из районов Ставрополья. Но вскоре сошла за благо вернуться в Грозный: на одну минимальную зарплату,

что положена по закону переселенцам, с голоду опухнешь. Родственники сами сидят без работы, а следовательно, и без денег. А в Грозном, хоть и опасно, зато вернули ей службу в Министерстве культуры, да и друзья с соседями помогли чем могли.

...Многолетний и ушлый грозненский божм Степаныч (сотоварищи именуют его — Стаканыч) насобачился пересекать административные границы как раз в тех местах, где поблизости варят кашу приемные пункты миграционных служб. Как переселенец он зарегистрировался уже не однажды, каждый раз получая соответствующие выплаты и бесплатную пищу, которую употребляет лишь в качестве закуски. То Назрань посетит пару-тройку раз в месяц, то Кубань, то в Минеральные Воды поведется. Раз покажет чудом сохранившийся с былых времен паспорт, другой — подобранный где-то профсоюзный билет без фотокарточки (бандиты, дескать, оторвали), а то и вовсе без документов заявится — сгорели, мол. Известно, голь на выдумки хитра, так что примеру Стаканыча нынче следуют многие его «коллеги». Подсчитайте-ка, сколько эти опустившиеся не по своей воле люди пропивают «миграционных» денег, когда их катастрофически не хватает даже для мало-мальски потребного прокорма бежавших от войны детей!

Но как же миграционным службам вырваться из этого круга, очерченного жестокой и бездар-

ной войной? Ведь только в Ставрополье зарегистрированных 57 тысяч беженцев, а есть еще так называемые «дикари». На эту тему мне довелось побеседовать с зам. руководителя краевой миграционной службы Александром Казаченко, начальником отдела вынужденных переселенцев Владимиром Личковаха и другими работниками, многие из которых и сами переселенцы. Невеселая, мягко говоря, картина вырисовывается...

Главная беда федеральной власти — в неумении или в нежелании прогнозировать возможную численность беженцев и переселенцев. Видимо, убаюканные агитками былых времен о «нерушимой дружбе братских народов», наши политики не могли даже представить непомерные толпы спасающихся от пуль, снарядов и бомб людей. В стольном граде российском не учли, что на горящем и дымящемся Северном Кавказе в результате разгулявшейся бойни непременно возникнет межэтническая вражда и люди (в основном русские — 72 процента, остальные — так называемые русскоязычные греки, армяне) ринутся на то же Ставрополье не только во время бомбежек, но и в периоды относительного затишья. Хотя дудаевцам, в общем, не удалось придать войне сугубо религиозный характер, но оголтелая пропаганда исламского фундаментализма сделала свое дело — персонами нон-грата в самопровозглашенной

Ичкерии стали представители народов христианских вероисповеданий.

Ставрополье за последнее время дважды содрогнулось от удара таких потоков. С декабря 1994 года по май 1995-го административную границу края с Чечней за день в панике перебегали до тысячи двухсот человек. Всего миграционная служба «переварила» тогда 39 тысяч переселенцев. 19 тысяч из них осели в районах края, потеснив в пунктах временного проживания русских, украинцев, армян, бежавших еще раньше из Азербайджана, Казахстана, Таджикистана.

Второй поток прорвал границы в августе—сентябре нынешнего года, когда сепаратисты «неожиданно» возобновили бойню в Грозном. Прежним беглецам снова пришлось потесниться. Край, будучи дотационным, своим новым обитателям ничем помочь не может — федеральный бюджет выделяет Ставрополью «кормовые», исходя исключительно из числа проживающих здесь, и ни копейки больше. И радикальных перемен не предвидится.

Тем не менее национальная напряженность, а то и откровенная межэтническая вражда во многих бывших республиках, а ныне суверенных государствах, идут по возрастающей. Скорее всего, надо рассчитывать не на возвращение переселенцев в родные пенаты, а на очередные многочисленные потоки бездомных.

Вашему корреспонденту извес-

тны случаи избиения местными националистами русских моряков Каспийской флотилии ВМФ в Махачкале и офицеров-пограничников в Назрани. Такие вот волны подняты в северо-кавказских республиках. И выходит, что сотни тысяч южнорусских переселенцев — это еще цветочки, а ягодки — впереди.

«При нынешнем состоянии миграционной службы новый поток беглецов Ставрополье не переварит», — считает Александр Казаченко. У него есть основания для пессимизма. Только для того, чтобы более или менее сносно жили уже обитающие здесь беженцы, в 1996 году предусмотрено было выделить 36 млрд. рублей на строительство жилья и 30 млрд. — на ссуды обездоленным людям. Фактически же пока в казну региональной миграционной службы поступило: на строительство — 1 млрд. «живых» денег и 950 млн. в виде банковских векселей; на ссуды — девять миллиардов рублей плюс пять миллиардов, найденных Москвой в пожарном порядке во время «вспышки» переселенчества. Чтобы худо-бедно довершить строительство «беженских» объектов, начатое в 1995 году, необходимо как минимум 170 млрд. рублей. Найдено же пока, и то в виде векселей Альфабанка, 60 миллиардов. Выходит, крыша над головой не скоро появится у нынешних новоселов, а про очередных и речи нет.

Конечно, имея переселенцы на

руках компенсационные суммы, они сами вкладывали бы их в жилье. Но увы! О каких суммах можно говорить, если даже на зарплату работникам миграционной службы российский бюджет не может наскрести и рубля? Сами беглецы тоже не в состоянии заработать: край перенаселен, работы на всех не хватает. Нищенство приводит и к росту преступности.

В итоге волей-неволей беженцы становятся иждивенцами, а значит, обузой для властей и жителей края. И в обозримом будущем таковыми останутся, ибо вся федеральная миграционная служба на нынешний год профинансирована всего на 16 процентов от минимальной потребности.

Напрасно в Москве забывают о том, что вынужденные переселенцы — сами бесценный и пока невостребованный капитал. Ученые, инженеры, врачи, высококвалифицированные рабочие подняли до уровня современной цивилизации глухие некогда южные окраины России. Надо просто найти им должное применение. Не разумнее ли профинансировать массовое переселение беженцев в края, где нужны их руки, нежели тратить огромные средства на то, чтобы они перебивались с хлеба на квас, скопившись в одном месте? Ответ на sacramентальный вопрос: «Куда беженцу податься?» — зарыт, скорее всего, не в приграничной южнорусской земле, а на безлюдных просторах Центральной России и Сибири. Из этого и надо исходить политикам, хозяйственникам. Да и самим переселенцам...

Владимир СМЕРНОВ,
соб. корр. «Труда».
СТАВРОПОЛЬ.

Труд
16 мая 96